

«Южный поток»: большая газовая игра

Отказ России, озвученный В.В. Путиным, от строительства морского газопровода «Южный поток» в Европу через Болгарию в пользу море-сухопутного и более рационального в инвестиционном плане маршрута в Турцию, проявился новым узлом противоречий и проблем, меняющим как энергетический, так и геополитический ландшафт.

Во-первых, можно с полным основанием полагать, что неоправданно затянувшееся рассмотрение Евросоюзом пакета соглашений по строительству «Южного потока» на фоне раскручиваемых Западом антироссийских санкций служило своеобразным инструментом перманентного политического шантажа России по поводу её позиций в Украинском кризисе. И в этой связи отказ от осуществления столь масштабного и экономически выгодного проекта, вопреки всем принципам ведения бизнеса, к тому же при уже частично осуществленных капиталовложениях, вызвал если не шок, то серьезное замешательство в Евросоюзе, лишившемся самого предмета давления.

Не исключено, что заявление о развороте «Южного потока» было отрезвляющим сигналом Брюсселю, призывом задуматься над тем, какие огромные деньги теперь пойдут в Турцию, а не в Евросоюз.

В своем стремлении ужесточить антироссийские санкции и заодно уменьшить свою зависимость от российских энергоресурсов ЕС «подставил» страны на юго-востоке Европы, создав перспективу вносящих раскол в ЕС претензий со стороны Австрии, Болгарии, Венгрии, Греции, Сербии, Словении и Хорватии, сделавших ставку на российский газ.

Такой провал в политике ЕС можно объяснить, прежде всего, его ошибочным восприятием проекта исключительно как делового, в то время как Россией «Южный поток» уже первоначально рассматривался скорее как важнейший геополитический вектор. Таким образом, блокирование Евросоюзом «Южного потока» обернулось против самих его инициаторов, дав Москве возможность радикально решить зависящую проблему с газопоставками, найдя при этом оптимальное для интересов страны решение.

Так или иначе, как показывает анализ, проведенный Оксфордским институтом энергетических исследований, европейским странам не удастся в значительной степени сократить свою зависимость от российского газа [1].

Во-вторых, в создавшейся ситуации резко возрастает геополитический статус Турции как страны-транзитера, а в дальнейшем и возможно-

го распределителя российского газового потока на пути в Европу, если все-таки будет окончательно формализовано решение о перенаправлении «Южного потока» в обход Болгарии. И вряд ли Анкара откажется от такой перспективы.

В 2013 г. Турция импортировала российский природный газ на сумму в 26 млрд долл., что сделало Турцию вторым крупнейшим покупателем российского газа на европейском рынке после Германии [2]. В случае подписания соглашения, Турция не только даст дополнительный толчок своему экономическому развитию, но и станет энергетическим поясом Евразии, в результате чего вырастет ее влияние на международной арене. А Россия, в свою очередь, получит реальную возможность оказывать влияние на ее внешнюю политику.

Именно опасениями такой перспективы можно объяснить стремительную смену позиций Евросоюза, с 2005 г. тормозящего по различным основаниям вступление Турции в ЕС, а ныне включившегося в интенсивную дипломатическую атаку на Анкару с уверениями об ускорении процесса, стремясь любыми способами воспрепятствовать газовому союзу России и Турции. «Сближение России и Турции будоражит Запад, который, вне всякого сомнения, будет пытаться вставлять палки в колеса этому процессу», полагает мэр Анкары Мелих Гёкчек [3].

Между тем, как пишет в редакционной статье турецкая Yeni Şafak (Новый Рассвет), «Анкара желает и дальше развивать отношения с Россией, поэтому она не поддержит санкции ЕС и не пожертвует своими интересами ради Евросоюза, который на протяжении 50 лет морочит Турции голову» [4].

В-третьих, можно понять растерянность и ущемленность национальной гордости болгар, принесших в жертву «европейской солидарности» свои национальные интересы и упущенную возможность многомиллиардных вливаний в свой достаточно скудный бюджет, превращающих при перенаправлении газового потока в выгодоприобретателя Турцию. Такой разворот событий усугубляется и болезненностью для Софии «турецкой темы» в целом, перспективой усиления турецкого влияния в регионе, как исторически традиционных, так и современных проблем в болгарско-турецких отношениях [5], подрывающих и так незавидную роль Болгарии и её позиции в евро-атлантических структурах.

Наконец, предполагаемое российско-турецким проектом продление газопровода через проливы с последующим размещением распределительного хаба Комелин на границу между Турцией и Грецией способно внести новый элемент в турецко-греческие отношения, пред-

лагая перспективу заинтересованного взаимодействия в его реализации и делая Грецию его важным участником, хотя и в определенной мере зависящим от турецкого газового вентилля. Можно предположить, что в случае реализации этого проекта и появления общих интересов напряженность в отношениях Анкары и Афин может получить шанс для некоторого ослабления, снизив одновременно и градус возникших в последнее противоречий по поводу разработок Кипрского газового шельфа. А за этим усматривается и возможная перспектива, хотя и достаточно отдаленная, поставок природного газа с кипрских месторождений по турецким маршрутам на европейский рынок энергоресурсов, что может обусловить прорыв в решении и Кипрской проблемы, консолидируя на основе общей выгоды интересы греческой и турецкой общин острова.

Поскольку приоритетом европейской политики остается снижение зависимости от российского газа, Европе в возникшей «газобакуумной» ситуации приходится озаботиться иными вариантами получения газа. Например, строить терминалы для приемки американского сланцевого сжиженного газа, сделать ставку на газовые месторождения Средиземноморского шельфа или получение «голубого топлива» из Каспия по Трансанатолийскому трубопроводу.

Несмотря на оптимистичное утверждение эксперта американской исследовательской компании Brookings Ч.Эбингера, что «Американская газовая дубина вырвет Европу из российского плена» [6], перспектива поставок в Европу сжиженного газа со сланцевых месторождений США представляется сомнительной как в силу ограниченности его запасов, сложностей трансатлантической транспортировки и соответственно высокой стоимости – цена сланцевого газа из США будет в полтора-два раза выше, чем трубопроводного газа, идущего из России [7]. К тому же в отличие от Москвы, у которой есть Газпром, Вашингтон в своём распоряжении не имеет государственной газовой компании, которой Белый дом мог бы давать указания кому, когда, в каких объёмах и на каких условиях продавать газ.

Не меньший скептицизм вызывает идея строительства морского газопровода в Европу от двух израильских оффшорных месторождений Тамар и Левиафан в рамках смены направления основных поставок газа с восточного российского (широтного) на южный ближневосточный (меридиональный) и как морская альтернатива сухопутному турецкому маршруту, при том, что стоимость проекта оценивают в 15 млрд долл., а его мощность могла бы составить не более 10 млрд куб. м в год по сравнению с 63 млрд куб. м «Южного потока» [8]. Тем более, что Турция вовсе не заинтересована в том, чтобы газ шел в обход её территории, а

вдоль ее побережья.

Таким образом, единственно реальным альтернативным российскому газовым маршрутом в Европу остается строящийся газопровод с азербайджанского месторождения Шах-Дениз – 2 до западной границы Турции (Trans-Anatolia Gas Pipeline), хотя и он не заменит в полной мере российские поставки из-за ограниченной мощности 16 млрд куб. м и достаточно скудной ресурсной базы азербайджанского месторождения [9]. Кроме того, нельзя исключать, что российский и азербайджанский газовые потоки в перспективе сольются на территории Анатолии на пути в Европу. Так что разговоры о TANAP как о полноценной замене российских газовых инфраструктурных проектов носят скорее политический характер.

Таким образом, отказ России от болгарского маршрута «Южного потока» сыграл роль своеобразного детонатора политических процессов, включившего цепную реакцию геополитических сдвигов, не только меняющих международные позиции и статусность отдельных государств региона, но и создающих условия для реконфигурации их взаимоотношений, новых геополитических реалий на международной арене.

Библиографический список

1. Curtis Michael. Russia: A Pipeline against the Islamist Threat // American Thinker, December 12, 2014.
2. Ceylan Ozbudak. Can Turkey and Russia smooth bumpy roads ahead? // «Al Arabiya» UAE, December 08, 2014. URL: <http://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2014/12/06/Can-Turkey-and-Russia-smooth-bumpy-roads-ahead-.html>
3. Melih Gökçek. Rus-Türk işbirliğine taş koymaya çalışacak / Hürriyet, 11 Aralık, 2014.
4. Yeni Şafak, 10 Aralık, 2014. URL: www.yenisafak.com.tr
5. Парастатов С.В. Экономическая составляющая геостратегии современных государств // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 2. С. 364-366.
6. Brookings: «Американская газовая дубина вырвет Европу из российского плена». URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/3272414>.
7. Минэнерго: для Европы американский газ будет дороже российского почти в 2 раза. URL: <http://mk-london.co.uk/news/u315/2014/05/19/1089>.
8. Израиль предлагает Европе газовый мегапроект / IsraelInfo, 25 ноября 2014. URL: <http://news.israelinfo.co.il/economy/54163>.
9. Забродина Е. TANAP не заменит российский газопровод // Российская газета, 2014. 10 декабря.